

А. Б. Асташов

Хозяйственные злоупотребления и борьба с ними на русском театре военных действий в годы Первой мировой войны

Злоупотребления в хозяйственной сфере являются вечным спутником войны¹. Этому способствует использование частно-торгового аппарата в ходе снабжения армии, постоянно возраставшее в течение второй половины XIX — начала XX в. по мере роста объемов самих войск и их снабжения². В самой теории снабжения войны, «военного хозяйства», предусматривалось широкое привлечение «местных средств» (продовольствия, транспорта, топлива) с помощью посредников³. Тем более это касалось России, где во время войны недостаточно, по сравнению с другими странами-участницами, применялись регулирующие мероприятия.

В историографии этот вопрос рассматривается однобоко: или как элемент «эксплуатации» со стороны «буржуазии», пользовавшейся военным временем для наживы⁴, или как «подрывные», в том числе в экономике, финансах, обслуживании армии, действия политизированных общественных организаций⁵. В настоящей статье ставится цель изложить и проанализировать основные виды преступлений в экономической сфере на русском театре военных действий и способы борьбы с ними, вскрыть экономическую составляющую в позиции армии и правительства при анализе политической борьбы в России накануне 1917 г. Работа основана на архивных материалах.

К началу 1915 г., когда на Восточном фронте бои затихли и хозяйственная деятельность возобновилась, появилось множество сообщений об активности мошенников и аферистов на театре военных действий⁶. Многочисленные контрольные организации фиксировали мелкую спекуляцию, перепродажу казенного имущества, его прямое воровство, изготовление и продажу спирта, неправомерный провоз в качестве военных грузов продовольствия, топлива, сахара и т. п. с последующей их спекулятивной продажей, что граничило с серьезными правонарушениями, подрывом обороноспособности армии⁷. Распространялись сомнительные операции с имуществом, оставшимся при отступлении проходящих частей, скупка жителями казенных вещей, скота у беженцев, дефицитного сырья (медь, части машин и т. п.) у солдат армии. Широко скупалась даже земля (на правах аренды) у отправлявшихся в высылку немцев-колонистов⁸.

Множество злоупотреблений (на транспорте, с поставками кож, хлеба, в артиллерийском ведомстве и т. п.) допускали и правительственные агенты снабжения, используя систему законного взятия определенного процента с перевозок. Подрядчикам давали право перевозить свои собственные товары⁹. Однако наиболее массовые экономические преступления, в которые были втянуты сотни тысяч граждан, были связаны с подделкой квитанций на получение денег за уничтоженное имущество. Помещики заблаговременно составляли описи посевов, продавая их проходящим частям, а затем по этим же описям пытались вторично получить деньги как за уничтоженное имущество. Самое большое количество поддельных документов (квитанций) было предъявлено в глубоком тылу беженцами, требовавшими выплаты денег за реквизируемый скот, уничтоженные посева и имущество. В результате казначейства во внутренней России вообще отказывались оплачивать такие квитанции¹⁰, что вызвало обеднение миллионов беженцев.

Имели место и одиночные умышленные имущественные преступления в отношении самой армии. Они касались махинаций со снабжением госпиталей товарами первой необходимости (дровами, продовольствием) и провоза по выданным нарядам собственных товаров. Поставки товаров для собственных нужд через госпитали стали распространяться все шире на театре военных действий, включая Варшаву, Смоленск, Седлец, Полоцк, Бендеры и другие города. Дельцы пользовались путаницей в регистрации провоза грузов, прямым подкупом госпитальной администрации и даже станционных жандармов. Аппетиты некоторых подрядчиков, использовавших пунктом назначения госпитали, возрастали в течение 1914–1915 гг. и касались провоза многих тысяч пудов соли, масла, дров, птицы, из которых для госпиталей предназначалось только 5–6% грузов, а остальные перепродавались по спекулятивной цене¹¹.

Кроме государственных учреждений, служивших прикрытием для мошеннических операций с провозом товаров, использовались общественные муниципальные учреждения, общество промышленников Царства Польского, десятки воинских частей. Имело место и банальное воровство с железной дороги,

где были замешаны сами служащие и местные торговцы. Происходили и групповые спекулятивные махинации с участием дельцов из Варшавы, Кишинева, Славянска, Москвы посредством крупных банков и торговых домов¹². При перевозке грузов по железным дорогам часто реальный товар отсутствовал, его заменяли накладные, игравшие роль ценных бумаг, для чего была налажена их нелегальная биржа в Варшаве. Дельцы различных городов совершали обмен, сделки с накладными, закладывали их в банки, перепродавали товар «с колес» и т.п. Все это еще более усиливало спекуляцию и крайне осложняло работу следствия по конкретным видам мошенничества¹³.

Некоторые деяния в годы войны можно рассматривать как покушение на экономические преступления. Таковым является попытка группы польских магнатов графа А. Замойского, С. и П. Гурских, князя М. Радзивилла, Э. Курнатовского и В. Собанского получить у государства возмещение их убытков в сумме 6,6 млн руб. Землевладельцы требовали выплатить указанную сумму вне очереди и даже без предъявления необходимых документальных доказательств. Несмотря на поддержку прошения магнатов самим царем, главнокомандующим армиями Западного фронта А.Е. Эверт и начальник штаба главковерха М.В. Алексеев категорически выступили против такой поблажки, указывая на возможное недовольство 300 тыс. польских землевладельцев, также понесших убытки. Но попытки обойти закон продолжались. Так, было замечено, что ликвидационные комиссии назначают чрезвычайно высокие цены за уничтоженные по военным обстоятельствам посева, что стоило бы казне несколько десятков миллионов рублей. Подешевевшая стоимость земли с такими посевами оценивалась в два раза выше земли в Южной Баварии. И вновь военное и гражданское ведомства отвергли притязания землевладельцев, отодвигая решение вопроса на конец войны¹⁴.

Среди крупных структур, попавших под обвинения в хозяйственных злоупотреблениях, оказались всероссийские общественные организации Союзы земств и городов. Их обвиняли в неэффективности, даже во вреде от их деятельности, особенно сотрудников из числа евреев¹⁵. Но исходили эти сведения исключительно от Департамента полиции¹⁶, который собирал «компромат» на общественные организации для обоснования их возможной ликвидации¹⁷. Однако специально созданная под давлением того же Департамента полиции¹⁸ комиссия Государственного контроля по проверке деятельности союзов так и не обнаружила подтверждения собранных сведений о «злоупотреблениях» союзов на фронте¹⁹. Наконец, помощник начальника штаба главковерха В.Н. Клембовский в письме министру внутренних дел А.Д. Протопопову от 22 января 1917 г. прямо отверг данные Департамента полиции о «вредной деятельности» союзов²⁰. Не углядывается «злоупотреблений» и в использовании союзами главным образом государственных средств для своей деятельности, как утверждалось в консервативной печати. На самом деле все организации, включая Красный крест, и даже созданные при императорской семье,

использовали государственные средства, составлявшие 80–90% всех денежных сумм этих организаций²¹.

Обвинения общественных организаций в злоупотреблениях продолжают выдвигаться в современной исторической литературе. Их доказательная база, однако, не увеличилась со времени Первой мировой войны, но зато пополнилась инвективами в адрес общественных организаций, и даже самой армии, обвинявшейся в «преступном» политическом, подрывном характере деятельности²².

Фронтное командование действительно оказывало давление на правительство, требуя обеспечения финансовой помощи союзам, признавая их работу в деле организации на театре военных действий питательных и перевязочных отрядов, прачечных, заразных барачков и т. п. «безусловно необходимой»²³. Военное министерство также призывало оказывать союзам «полное содействие к успешному течению плодотворной их деятельности», требовало на местах всячески содействовать работе союзов, «оказывающих существенную и значительную помощь в деле эвакуации, без коей названное ведомство не было бы в силах выполнить возложенную на него тяжелую задачу»²⁴. Фронтное командование выказывало готовность не только помогать союзам на фронте, но и, в случае стеснения их работы, накладывать на виновных взыскания²⁵.

Что касается злоупотреблений, на которые указывали в Департаменте полиции, то военное командование не углядело в этих случаях намеренного умысла, ссылаясь на новизну и масштабность поручаемых союзам задач. В штабах видели в деятельности общественных организаций пример патриотического служения делу обороны, ценили их способность решать практические задачи, чего нельзя было ожидать от правительственных структур²⁶. Одобрение армией деятельности общественных организаций доходило до игнорирования даже очевидной путаницы в отчетности, что признавали видные работники союзов²⁷.

В отношении гражданских и военных властей по вопросам недостатка контроля над общественными организациями даже образовался определенный консенсус. Гражданские власти были вынуждены терпеть хозяйственные нарушения организаций, а военные власти не открывали дел в отношении таких благотворительных организаций, как Красный крест, «Северо-помощь», «Западо-помощь», «Юго-помощь», созданных при посредстве гражданских властей и также обвинявшихся в «злоупотреблениях» и бесхозяйственности²⁸.

Это не означает, что военные закрывали глаза на злоупотребления на театре военных действий. Правда, вместо применения решительных мер к лицам, замешанным в махинациях²⁹, власти ограничивались высылкой главных фигурантов в Томскую губернию, что объяснялось «экономией карательных мер»³⁰. Причина такой мягкости состояла в том, что многие мошеннические акции совершались с ведома, если не при участии самого русского командования на местах, что могло быть выявлено в случае формального расследования³¹.

Но основных виновников, приносивших очевидный вред хозяйству, военные власти видели в частных собственниках, связанных с поставками и рас-

пределением ресурсов на Северном фронте, и прежде всего в столичном регионе. Противоречия и недоразумения между военными и гражданскими властями возникли еще весной 1915 г., когда развернулась крупная операция военных властей по реквизиции скота и транспорта в Прибалтике. Противодействие военным оказывали крупные землевладельцы и скотовладельцы, ища защиты у гражданских властей, включая Петроград. В результате планы военных по реквизиции были, в сущности, сорваны, а начавшееся наступление немцев скрыло многочисленные потери имущества, перешедшего противнику. В контрразведке при штабе Северного фронта в этом обвиняли частных собственников края и потворствовавшие им гражданские ведомства³².

Новый раунд взаимного недоверия и даже противоборства государства и частных в защите своих интересов произошел летом того же года, когда начавшаяся новая широкая реквизиция прошла полностью под диктовку военных властей вопреки сопротивлению частных³³. Именно с лета 1915 г. в военных кругах был создан образ внутреннего врага — частных, игнорировавших государственные интересы ради собственных. Военные власти все чаще критиковали «внутренних мародеров», главным образом евреев, которых и раньше считали агентами разведки противника. Их же считали активными дельцами-спекулянтами, подрывавшими экономическую, а значит, и политическую безопасность страны³⁴. Зимой 1915–1916 гг. антиеврейские взгляды контрразведки были дополнены развернутыми заявлениями антигерманского и антибуржуазного толка и обвинениями в целом гражданских властей в потворстве спекулянтам и недостатке патриотизма. Так, в записке заместителя генерал-квартирмейстера штаба Западного фронта полковника А. А. Самойло, распространявшейся по штабам фронта, положение в Петрограде характеризовалось в «мрачных красках». Именно здесь, по мнению полковника, собрались силы, препятствовавшие организации победы над «извечным врагом» — Германией. Эти силы выступали за скорейшее окончание войны во что бы то ни стало. Причины этого Самойло видел в деятельности групп, связанных с торговлей, которую война прервала. Петроградская торговая буржуазия и этнически состояла из «интернациональных торговцев», терпевших громадные потери в барышах. Эти круги распространяли пораженческие настроения, подрывали «веру в мощь армии». Большую роль в этом торгово-промышленном мире, указывалось в записке, играли евреи — главные посредники в торговых сношениях, которые вели активную борьбу за прекращение войны, а в качестве коммерсантов, дельцов, спекулянтов вели разлагающую деятельность, постоянно взвинчивая цены, искусственно создавая всевозможные «голоды». Но самым важным и наиболее влиятельным фактором, склонявшим к скорейшему прекращению войны, являлась, по мнению Самойло, «петроградская бюрократия», опасавшаяся волны патриотизма, исходящей от «общественного элемента», требовавшего контроля над ней для «лучшего будущего» России. «Антибуржуазные» взгляды были распространены и в руководстве Северного фронта. Так,

генерал Н. С. Батюшин уверял генерала М. С. Пустовойтенко, а тот, в свою очередь, М. В. Алексеева, что все неудачи армии идут от банков, банкиров и промышленников³⁵.

Зимой 1915/1916 г. военным властям представился случай нанести удар по гнезду мошенников. По полученным в штабах Северного фронта и Петроградского военного округа сообщениям, подпольные хлебные маклеры нажили большие деньги путем спекуляций. Особенное возмущение вызвали действия мародеров-мукомолов по прекращению подвоза уже закупленных товаров (манки) в связи с объявлением на эти грузы нормированных цен. В ответ на разразившийся хлебный кризис в столице в конце декабря 1915 г. прошли масштабные обыски лиц, состоявших членами Калашниковской хлебной биржи и являвшихся крупными хлеботорговцами. Первоначально начальство Петроградского военного округа намеревалось всех задержанных отпустить, посчитав меры по их задержанию и следственные действия достаточным наказанием. Однако в контрразведке Северного фронта этому делу был придан характер крупной экономической диверсии, грозившей хлебным бунтом в столице. В штабе фронта были возмущены «полной бесцеремонностью в повышении цен со стороны спекулянтов», в основном евреев³⁶.

В результате давления фронтового начальства арестованные были переведены из петроградского дома предварительного заключения в Псковскую губернскую тюрьму, находившуюся в ведении штаба Северного фронта, а фактически — контрразведки. Главная цель такой акции, по словам начальника контрразведки Н. С. Батюшина: «...сокращение appetитов, не в меру разыгравшихся у значительного числа торговцев, ни с чем не считающихся».

Однако здесь возникли препятствия для совершения правосудия. Военные требовали осудить спекулянтов по ст. 108 Уголовного уложения («государственная измена»). Но это оказалось невозможным с точки зрения существовавшего закона, по букве которого, хотя действия задержанных по существу являлись враждебными России, однако, согласно 48 ст. того же уложения, наличие прямого умысла не была установлено. Тогда военные попытались применить к ним ст. 913 Уложения о наказаниях за стачку (сделку) торговцев для повышения цен на предметы продуктов. Однако и здесь оказалось невозможным доказать на следствии и в суде наличие стачки и соглашения как сознательных действий ряда лиц. Кроме того, из дел было очевидно, что такого соглашения вообще не было. В итоге обвиняемым было зачтено в наказание 2–4-месячное пребывание в тюрьме, которое арестанты, привыкшие к весьма комфортным условиям жизни, переносили очень тяжело. В итоге некоторые из задержанных еще до ареста, или во время его, или после высылки ударились в бега, вешались (две попытки, включая одну со смертельным исходом), сходили с ума (двое), калялись в содеянном и просились в действующую армию... В конечном счете все обвиняемые были освобождены, но на основании 19 ст. Положения о местностях на военном положении высланы из Петрограда³⁷.

Фактическая неудача операции в отношении петроградских спекулянтов требует пояснения. Между фронтовым и окружным начальством были очевидные разногласия в самом подходе к задержанным и содеянному ими. В глазах дознавателей из контрразведки (Ф. И. Верисоцкий, Н. С. Батюшин) захваченные спекулянты относились к категории крупных хищников, беззастенчиво пользовавшихся трудной продовольственной ситуацией в столице и многократно увеличивших свой капитал за счет спекуляции, тем самым нанеся большой вред армии и населению. Сказывалась определенная «левизна» взглядов руководителей штаба Северного фронта, не принимавших законов вольного рынка. В штабе же Петроградского округа господствовали более умеренные взгляды на роль свободного рынка во время войны, изложенные в записке известного деятеля Всероссийского союза городов В. Д. Кузьмина-Караваева, адвоката в процессе над калашниковцами. Кузьмин-Караваев полагал, что главная забота — решить проблему снабжения Петрограда продовольствием. Но решить ее невозможно, просто устраняя частную торговлю, как, в сущности, предлагали в штабе фронта. Это было бы равнозначно подготовке голодного бунта. В этой ситуации невозможно и даже вредно ограничивать частную инициативу. Но и допускать безудержную спекуляцию нельзя, она тоже приведет к бунтам. Поэтому надо просто использовать то, что на языке уголовного права именуется «экономией карательных мер». Смысл этих мер заключался в том, чтобы пресечь чрезмерную спекуляцию без подрыва частной инициативы, произвести «известное угрожающее действие». Сам арест калашниковцев произвел такое охлаждающее действие на дельцов, что является совершенно достаточным. После этого задержанных надо отпустить³⁸.

Казалось бы, неудача в операции по примерно наказанию спекулянтов-калашниковцев должна была привести к переходу к системным мерам против экономических преступлений, начиная с введения регулирующих мероприятий в духе того же Союза городов. Но в штабе Северного фронта продолжали господствовать представления о способности контрразведчиков одним ударом покончить с деятелями экономических преступлений, подвергнув наказанию наиболее важных фигурантов злоупотреблений, или существенно ограничить их. Это отвечало сложившейся практике военных при высылке главных организаторов злоупотреблений на театре военных действий вместо кропотливой работы по разрушению всей сети экономических преступлений. В результате неудача с наведением порядка в продовольственном снабжении в Петрограде неминуемо повлекла за собой проведение новой операции уже на высшем уровне страны, где, как казалось, и находился центр измены и вредительства. Эту операцию в конце 1916 г. возглавил главный деятель борьбы с экономическими преступлениями генерал Н. С. Батюшин. Впервые в дореволюционной России была создана конкретная структура, «комиссия Батюшина», бравшая на себя борьбу с экономическими преступлениями. Целью работы комиссии было нанесение удара по главным воротилам экономических операций (крупный банкир Д. Л. Рубинштейн и др.).

На самом деле работа комиссии приняла характер политической интриги, мало затронув собственно проблемы обостряющегося социально-экономического кризиса предреволюционной России. Все арестованные комиссией дельцы, включая Д.Л. Рубинштейна, были отпущены. Мало этого, в ходе работы комиссии ряд ее сотрудников сами замарали себя недостойными поступками (взятки, вымогательство), что привело к прекращению ее работы³⁹. Таким образом, как и при наказаниях дельцов на театре военных действий, начальство ограничилось просто высылкой их из столицы. При попытке расследования злоупотреблений крупных банков также быстро обнаружилась их связь с политическими фигурами, разоблачение которых в условиях самодержавия оказалось невозможным.

Анализ представленного материала показывает большой размах экономических преступлений на русском театре военных действий в годы Первой мировой войны, выявляет противоречивость сосуществования двух начал войны нового типа: регулирования и свободного рынка. Война обнажила недостатки системы снабжения армии с помощью группы лиц (евреи), которым власти не доверяли, и в то же время не могли без них обойтись. Большой вред обороне наносили скрытые махинации, являвшиеся частью повседневности войны: спекуляция, массовая фабрикация документов на имущество. Несостоятельность ведения войны «за деньги» усугублялась отсутствием надежного контроля, действенной правовой базы, столкновением интересов военной и гражданской администрации, а также агентов вольного рынка. Такое сочетание противоречивых факторов вело к большим потерям ресурсов, страданиям миллионов граждан, ущербу для дела обороны, угрозе потери государственности. В этой ситуации спорадические, бессистемные попытки военных деятелей бороться с экономическими преступлениями путем обезвреживания отдельных преступников, даже самого высокого уровня, были обречены на неудачу.

¹ *Brandes S. D.* Warhogs: A History of War Profits in America. The University Press of Kentucky, 1997.

² *Тонкий Н. В.* Организация и функционирование тылового обеспечения русской армии в начале XX века: 1900–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2012.

³ *Макшеев Ф. А.* Военное хозяйство. Курс интендантской академии. Ч. 3. Снабжения в военное время. Пг., 1915. С. 35–41, 53–67, 202–204, 220, 221, 227, 238–239, 282, 396–404, 513, 515, 516.

⁴ *Китанина Т. М.* Война, хлеб и революция (продовольственный вопрос в России. 1914 — октябрь 1917-го). Л., 1985. С. 10, 35–38, 61, 63, 66; *Лаверычев В. Я.* Военный государственно-монополистический капитализм в России. М., 1988. С. 119–140.

⁵ *Куликов С. В.* Финансовые аспекты деятельности российских благотворительных организаций военного времени (июль 1914 — февраль 1917 г.) // Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования. СПб., 2008. С. 369–397; *Айрапетов О. Р.* Генералы, либералы и предприниматели. М., 2003. С. 154, 157–159.

- ⁶ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 228–229; Ф. 1932. Оп. 15. Д. 152. Л. 28 — 28 об.
- ⁷ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 15. Д. 122. Л. 14 — 14 об., 19–23, 25–26, 35; Ф. 2032. Оп. 1. Д. 281. Л. 371 об., 394; Ф. 2049. Оп. 1. Д. 456. Л. 165 — 165 об., 167; Д. 382. Л. 19; Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 215. Оп. 1. Д. 699. Л. 34.
- ⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1869. Л. 166; Ф. 2005. Оп. 1. Д. 28. Л. 240 — 241 об.; Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 479; Д. 555. Л. 62; Ф. 2068. Оп. 1. Д. 301. Л. 65, 518, 521, 526 — 526 об.; Д. 303. Л. 505 — 505 об.
- ⁹ *Лемке М.* 250 дней в царской ставке (25 сент. 1915 — 2 июля 1916). Минск, 2003. С. 233, 325, 378–379, 579; *Никольский Е. А.* Записки о прошлом. М., 2007. С. 259, 272.
- ¹⁰ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 34. Л. 349 — 341 об., 444–452; Ф. 2049. Оп. 1. Д. 399. Л. 98 — 98 об., 252–253.
- ¹¹ РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 456. Л. 28–29, 46 об., 60, 137 об., 146, 159–160, 227, 228, 349, 316 — 316 об.
- ¹² Там же. Л. 26, 49 об., 161 об., 255, 258–260, 307 об., 339.
- ¹³ Там же. Л. 183–198; *Лемке М.* 50 дней в царской ставке. С. 428–429.
- ¹⁴ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 48. Л. 39–50, 85 — 85 об., 90–122.
- ¹⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1869. Л. 212, 217–219.
- ¹⁶ Директива директора департамента полиции А. Т. Васильева в охранные отделения и ГЖУ. 09.10.1916 // ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1916 г. Д. 343зс. Т. 4. Л. 23 об. — 24.
- ¹⁷ ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. Д. 343зс. 1916 г. Т. 2. Л. 11–43; Т. 4. Л. 238–246; Т. 5. Л. 79–90; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 816. Л. 288 об. — 299 об.
- ¹⁸ ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1916 г. Д. 343зс. Т. 4. Л. 179.
- ¹⁹ Записка о поездке комиссии на Западный фронт. 22.1.1917 // ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1916 г. Д. 343зс. Т. 4. Л. 218–231.
- ²⁰ ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1916 г. Д. 343зс. Т. 4. Л. 373.
- ²¹ РГВИА. Ф. 2002. Оп. 1. Д. 31. Л. 201.
- ²² *Хутарев-Гарнишевский В. В.* Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913–1917 гг. М., 2020. С. 495, 543–544, 603–606; *Гайда Ф. А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016. С. 507, 511–512.
- ²³ Эвакуационное управление — Особое совещание по распределению средств Союзам. 09.12.1914 // РГВИА. Ф. 2002. Оп. 1. Д. 1. Л. 98.
- ²⁴ Эвакуационное управление — начальнику штаба Ставки. 05.12.1914 // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 657. Л. 133–134.
- ²⁵ Главный начальник снабжений Северо-Западного фронта — дежурный генерал Ставки. 19.12.1914 // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 657. Л. 169.
- ²⁶ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 42. Л. 64.
- ²⁷ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее — ОПИ ГИМ). Ф. 84. Оп. 1. Д. 12. Д. 27. Л. 101–106.
- ²⁸ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 42. Л. 67; Ф. 14388. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 — 300 об.
- ²⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1869. Л. 20, 163–164; Оп. 2. Д. 1067. Л. 111–113; Ф. 2049. Оп. 1. Д. 455. Л. 14.
- ³⁰ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 710. Л. 61.
- ³¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1869. Л. 23, 28, 29, 60, 96; Оп. 2. Д. 1067. С. 144–145; Д. 1068. Л. 12–14; Ф. 2049. Оп. 1. Д. 455. Л. 15, 17, 18, 47, 108–109; Д. 456. Л. 4, 21, 29, 46 — 46 об., 60, 61, 94, 141 — 141 об., 158, 272, 279.
- ³² РГВИА. Ф. 1932. Оп. 1. Д. 245. Л. 57 об. — 58.
- ³³ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 2. Д. 250. Л. 135, 141, 150–154.
- ³⁴ *Васильев И. И., Зданович А. А.* Генерал Н. С. Батюшин. Портрет в интерьере русской разведки и контрразведки // У истоков русской контрразведки: сборник документов и материалов. М., 2007. С. 15–21; РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3931. Л. 18 об. — 19.
- ³⁵ РГВИА. Ф. 2106. Оп. 8. Д. 242. Л. 163–166; *Самойло А. А.* Две жизни. М., 1958. С. 172; *Орлов В. Г.* Двойной агент. Записки русского контрразведчика. М., 1998. С. 140.

- ³⁶ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 711. Л. 19 об., 70; Петроградская газета. 1915. 27 декабря. № 356. Воскресный выпуск.
- ³⁷ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 710. Л. 4–7, 13 – 14 об., 74; Д. 725. Л. 5 – 5 об., 35; Ф. 2049. Оп. 1. Д. 456. Л. 141 – 141 об., 144–145, 267, 270, 339 об., 425; О «репрессивных методах» в комиссии к задержанным, и именно к богатым, см.: *Хутарев-Гарнишевский В. В.* Противостояние. С. 394–395.
- ³⁸ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 710. Л. 61, 70 об.; Д. 711. Л. 27–29, 32, 70; Д. 734. Л. 39; Ф. 2032. Оп. 1. Д. 247. Л. 88 об.
- ³⁹ *Хутарев-Гарнишевский В. В.* Противостояние. С. 555–567; *Васильев И. И., Зданович А. А.* Генерал Н. С. Батюшин. С. 15–21.

References

Ayrapetov, O. R. *General, liberal and predprinimateli* [Generals, Liberals, and Entrepreneurs. In Russ.]. Moscow, Tri kvadrata, 2003. 256 p.

Brandes, S. D. *Warhogs: A History of War Profits in America*. Lexington, The University Press of Kentucky, 1997. 384 p.

Gaida, F. A. *Vlast' i obshchestvennost' v Rossii: dialog o puti politicheskogo razvitiya (1910–1917)* [Power and Public in Russia: Dialogue on the Path of Political Development (1910–1917). In Russ.]. Moscow, Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, 2016. 604 p.

Khutarev-Garnishevskii, V. V. *Protivostoyanie. Spetssluzhby, armiya i vlast' nakanune padeniya Rossiiskoi imperii, 1913–1917 gg.* [Confrontation. Special Services, Army and Power on the Eve of the Fall of the Russian Empire, 1913–1917. In Russ.]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2020. 648 p.

Kitanina, T. M. *Voyna, khleb i revolyutsiya (prodovol'stvennyi vopros v Rossii. 1914 – oktyabr' 1917-go)* [War, Bread and Revolution (The Food Question in Russia. 1914 – October 1917). In Russ.]. Leningrad, Nauka, 1985. 384 p.

Kulikov, S. V. *Finansovye aspekty deyatel'nosti rossiiskikh blagotvoritel'nykh organizatsii voennogo vremeni (iyul' 1914 – fevral' 1917 g.)* [Financial Aspects of the Activity of Russian Charitable Organizations in Wartime (July 1914 – February 1917). In Russ.]. In Bulgakova, L. A. (ed.). *Blagotvoritel'nost' v istorii Rossii: Novye dokumenty i issledovaniya*. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 2008. P. 369–396.

Laverychev, V. Ya. *Voennyi gosudarstvenno-monopolisticheskii kapitalizm v Rossii* [Military State-Monopolistic Capitalism in Russia. In Russ.]. Moscow, Nauka, 1988. 335 p.

Tonkii, N. V. *Organizatsiya i funktsionirovanie tyloвого obespecheniya russkoi armii v nachale XX veka: 1900–1917 gg.* [Organization and Functioning of Logistics of the Russian Army in the Early 20th Century: 1900–1917. In Russ.]: dis. ... kand. ist. nauk. Voronezh, 2012. 256 p.

Vasilev, I. I., Zdanovich, A. A. *General N. S. Batiushin. Portret v inter'ere russkoi razvedki i kontrrazvedki* [General N. S. Batiushin. Portrait in the Interior of Russian Intelligence and Counterintelligence. In Russ.]. In N. S. *Batiushin. U istokov russkoi kontrrazvedki: sbornik dokumentov i materialov*. Moscow, Kuchkovo pole, 2007. P. 1–14.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. Б. Асташов. Хозяйственные злоупотребления и борьба с ними на русском театре военных действий в годы Первой мировой войны // Петербургский исторический журнал. 2025. № 3. С. 75–85

Аннотация: Статья посвящена редкой теме — анализу хозяйственных преступлений на русском театре военных действий в годы Первой мировой войны. В отечественной историографии вопрос о злоупотреблениях чаще рассматривается с точки зрения классово-политической позиции или политизированного подхода к деятельности общественных организаций — Всероссийских союзов земств и городов. В данной работе,

написанной на основе архивных материалов, акцент делается на выявлении экономических преступлений в условиях фронтовой повседневности, их видов, динамики, нарастания объемов хозяйственных потерь, влиянии на социально-политическую ситуацию в стране. Особенное внимание уделяется деятельности общественных организаций и отношении к ним власти и армии. Центральным сюжетом является борьба с экономическими преступлениями со стороны армии, особенно в Петроградском военном округе. Автор приходит к выводу о массе проблем в организации снабжения населения, выявлена противоречивость сосуществования двух начал войны нового типа: регулирования и свободного рынка. Война обнажила недостатки системы снабжения армии с помощью группы лиц (евреи), которым власти не доверяли, и в то же время не могли без них обойтись. Большой вред обороне наносили скрытые махинации, являвшиеся частью повседневности войны: спекуляция, массовая фабрикация документов на имущество. Несостоятельность ведения войны «за деньги» усугублялась отсутствием надежного контроля, действенной правовой базы, столкновением интересов военной и гражданской администрации, а также агентов вольного рынка. Такое сочетание противоречивых факторов вело к большим потерям ресурсов, страданиям миллионов граждан, ущербу для дела обороны, угрозе потери государственности. В этой ситуации спорадические, бессистемные попытки военных деятелей бороться с экономическими преступлениями путем обезвреживания отдельных преступников, даже самого высокого уровня, были обречены на неудачу.

Ключевые слова: снабжение армии, экономические преступления, военно-полевой контроль, этнокриминалистика, Всероссийские Земский и Городской союзы, Северный фронт, Петроградский военный округ, регулирующие мероприятия.

FOR CITATION

A. B. Astashov. Economic Abuses and Combating Them in the Russian Theater of Military Operations during the First World War // Petersburg Historical Journal, no 3, 2025, pp. 75–85

Abstract: The article is devoted to a rare topic – the analysis of economic crimes in the Russian theater of military operations during the First World War. In Russian historiography the question of abuses is more often considered from the point of view of class position or politicized approach to the activities of public organizations – All-Russian unions of *zemstvos* and cities. In this paper, written on the basis of archival materials, the emphasis is on the identification of economic crimes in the conditions of frontline everyday life, their types, dynamics, increasing volumes of economic losses, and their impact on the socio-political situation in the country. Particular attention is paid to the activities of public organizations and the attitude of the authorities and the army to them. The central subject is the fight against economic crimes by the army, especially in the Petrograd Military District. The author comes to the conclusion about the mass of problems in the organization of the supply of the population, the contradictory coexistence of two new types of war: regulation and free market is revealed. The war exposed the shortcomings of the system of supplying the army with the help of a group of persons (Jews) whom the authorities did not trust, and at the same time could not do without them. Hidden machinations, which were part of the daily routine of warfare, caused great harm to defense: speculation, mass fabrication of documents for property. The inconsistency of waging war “for money” was aggravated by the lack of reliable control, the absence of an effective legal framework, and the clash of interests of the military and civilian administration, as well as the agents of the free market. This combination of contradictory factors led to great losses of resources, suffering of millions of citizens, damage to the cause of defense, and the threat of loss of statehood. In this situation, sporadic, haphazard attempts by military figures to combat economic crime by neutralizing individual criminals, even of the highest level, were doomed to failure.

Key words: army supply, economic crimes, military field control, ethnocriminalistics, All-Russian Zemsky and City Unions, Northern Front, Petrograd Military District, regulatory.

Автор: Асташов, Александр Борисович — д. и. н., доцент, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия).

Author: Astashov, Alexander Borisovich — Dr. of Sci. in History, Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

E-mail: astashsh@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2651-964X